

УДК 808

## О СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ЗООЛЕКСЕМ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

### ON THE SEMANTIC STRUCTURE OF ANIMAL LEXEME IN FRENCH

©Кадиров Р. Н.,

Самаркандский институт экономики и сервиса,  
г. Самарканд, Узбекистан

©Kadirov R.,

Samarkand institute of Economics and Service,  
Samarkand, Uzbekistan

*Аннотация.* Данная статья посвящена изучению семантических процессов, происходящих в составе семантемы при образовании тех или иных компонентов семантической структуры слов-зоонимов и тех признаков, на основе которых формируются эти компоненты. Систематизированы признаки в виде коннотаций и символов, приписываемые таким животным, как chien, boeuf, âne, porc, loup, renard, ours, serpent, vipère.

*Abstract.* This article is devoted to the study of the semantic processes that take place in the semanteme composition in the formation of certain components of the semantic structure of zoonyms and those features on the basis of which these components are formed. The signs in the form of connotations and symbols attributed to such animals as chien, boeuf, âne, porc, loup, renard, ours, serpent, vipère are systematized.

*Ключевые слова:* зоолексема, семантема, зоолексика, зоонимы.

*Keywords:* animal lexeme, semanteme, zoo vocabulary, zoonyms.

Зоолексема, как и любое другое слово в языке, обладает разветвленной семантической структурой, предполагающей наличие нескольких компонентов. Когнитивный аспект семантических изменений позволяет увидеть, что переносные значения зоолексемы показывают, как идет познание нового через уже известное, а также какие признаки берутся для осмысления нового. Касаясь вопроса о семантических изменениях в рамках семантемы слова, М. Блэк самым простым видом переноса считал экстенсивное расширение значения, полагая, что образование метафоры обязательно ведет к изменению значения исходного выражения. Он отмечал познавательные возможности метафоры и «связывание в ней двух идей», т. е. выделение в метафорическом выражении слов, употребляемых в прямом значении, и слов, используемых в переносном смысле, называя их «фокусом» метафоры [1, с. 156].

Образование новых компонентов семантической структуре слов имеет свои особенности применительно к разным классам существительных. Так, у существительных абстрактных, в большинстве случаев, наблюдаем переносы по функции как основной способ формирования переносного значения на базе основного номинативного, а у существительных-зоонимов выделяются, в основном, переносы по сходству.

Задачей данной статьи является изучение семантических процессов, происходящих в составе семантемы при образовании тех или иных компонентов семантической структуры слов-зоонимов и тех признаков, на основе которых формируются эти компоненты.

Как известно, основу семантической структуры зоолексики составляет «предметное», т.е. денотативное значение, представляющее существующий в природе вид животных: *волк* — хищное животное из семейства псовых; *осел* — домашнее непарнокопытное млекопитающее рода лошадей т. д.

Каждое животное обладает определенными признаками, которые воспринимаются человеком непосредственно через органы чувств (эмпирически): *волк* — животное серой окраски с крепкими острыми зубами, горящими в темноте глазами, быстрый в движениях; *осел* — животное с длинными ушами, хвостом с кистью на конце и т. п. Домашние животные к тому же имеют определенное функциональное применение: *осел* — верховое и упряжное животное; *свинья* — животное, предназначенное для откорма в целях получения ценных продуктов питания, и т. п. Совокупность подобных — объективных признаков образует в семантической структуре лексемы сигнификативное значение.

Вместе с тем, наблюдая за животными или сталкиваясь с ними в своей обыденной жизни, человек получает информацию об их характере, повадках, образе жизни: *волк* свиреп и агрессивен, нападает на людей и других животных, поедая их, ненасытен, враждебен окружающему его миру; *осел* покорен, терпелив, но может проявлять упрямство и часто не понимает, чего от него ждет хозяин (погонщик), и т. п. Все эти признаки имеются в генетической памяти носителей языков. Они составляют фонд их общих знаний или пресуппозицию. Каждое из качеств животного оценивается коллективным сознанием с точки зрения того, хорошо это или плохо: названные выше признаки волка — это плохо (отрицательная оценка), а преданность собаки хозяину — это хорошо (положительная оценка). Признаки животного, которые приписываются ему человеком с целью дать животному характеристику, сопроводив его оценкой, образует в семантической структуре лексемы коннотативное значение.

Любое сопоставление человека с животным (например: *Он — волк*) предполагает наличие двух субъектов, главным из которых является человек, вспомогательным — животное. Каждый из двух субъектов, будучи выражен соответствующим словом, присутствует в сознании говорящего не просто сам по себе (в его денотативном значении), но как средоточие в каждом случае более или менее многочисленных общепринятых ассоциаций. Употребление слова *волк* в его буквальном значении «создает у говорящего некоторый набор стандартных представлений о волках, и эти представления в принципе разделяются всеми членами данной языковой общности» [1, с. 164]. И далее: «Когда человек произносит слово *волк*, молчаливо предполагается, что он непременно имеет в виду свирепое, плотоядное, вероломное и т. д. животное /.../ Если человек — волк, то он охотится на остальных живых существ, свиреп, постоянно голоден, вовлечен в вечную борьбу и т. д.» [Там же, 164]. Воспринимая метафору как характеристику главного субъекта (человека), говорящий руководствуется системой импликаций вспомогательного субъекта (например, волка), перенося ее на главный субъект — человека и приписывая ему эти импликации. Следовательно, «механизм метафоры заключается в том, что к главному субъекту прилагается система «ассоциируемых импликаций», связанных со вспомогательным субъектом» [1, с. 167].

К сказанному выше, как нам кажется, необходимо добавить следующее. Признаки, характеризующие животное с точки зрения его внутренних качеств, поведения (например, свирепый, прожорливый и т. п. о волке), то есть импликации-коннотации, возникают у носителя языка именно в тех случаях, когда речь идет о переносе наименования животного на человека. Если же произнести слово «волк» безотносительно к характеристике человека, то в сознании должна возникнуть вся совокупность признаков, связанных с данным животным, — как коннотативных, так и сигнификативных. Именно они — те и другие — формируют представление о данном животном. И тогда понятие «импликационал» приобретает расширенный смысл как «признаковая зона» семантики лексемы «волк» и того представления, которое сложилось об этом животном у носителей французского языка. Так, имя *ours*, приложимое к неуклюжему человеку, имплицитно ему и такие свойства, как

косолапость, манеру ходить не разбирая дороги, наступая на ноги, значительный вес, рост, физическую мощь и т. п.

Необходимо отметить также тот известный факт, что часть коннотаций, которыми «обрастает» денотат слова, приобретает в ряде случаев определенную стереотипность, перерастая в символы и закрепляясь за тем или иным животным в качестве его постоянной характеристики. В большинстве случаев образы-символы животных (*лиса* как символ хитрости, *заяц* — трусости, *свинья* — неопрятности и т. п.) являются универсальными, общими для многих языков, в том числе и для французского. Вот несколько признаков символов, закрепленных за наименованиями животных, нашедших свое отражение в семантической структуре зоолексемы французского языка: *chien* — верность/злость (в определенных обстоятельствах)/беззащитность; *boeuf* — физическая сила/пригодность к тяжелой работе; *âne* — упрямство/глупость; *porc* — толщина/физическая нечистоплотность; *loup* — злость/прожорливость; *renard* — хитрость/коварство; *ours* — физическая сила/неуклюжесть/замкнутый образ жизни; *serpent* — коварство; *vipère* — ядовитость. Понятие символа как постоянного качества, приписываемого животному, относится к числу ассоциаций, порождаемых самим наименованием животного (*если vipère, то ядовитая*). Следовательно, символы также входят в семантическую структуру слова в той ее части, которая составляет коннотативную зону импликационала.

Особенность символов, как и коннотаций в целом, состоит в том, что они являются не прямым, а лишь опосредованным отражением действительности, результатом переработки сознанием человека впечатлений о поведении животных и их образе жизни с последующим оформлением, также на уровне сознания, в виде абстрактных понятий типа: *злость, хитрость, глупость, неуклюжесть, замкнутость* и т. п. (чаще всего это именно отрицательные качества). Эти абстрактные сущности и приписываются животным как их коннотации или символы.

Коннотации складываются на основе многолетних и даже многовековых эмпирических наблюдений за животными носителями разных языков, они оказываются в большинстве случаев «прозрачными» по своему содержанию. Так, *лиса*, спасаясь от преследования, умеет запутывать следы — отсюда признак хитрости; ср.: Лиса «не обладает размерами и силой крупных хищников и в борьбе за жизнь должна проявлять много ловкости, осторожности и умения применяться к обстоятельствам» [5, с. 328]; *заяц* в той же ситуации стремительно убегает — зайцу приписывается признак трусости; ср.: Зайцы «боязливы и очень осторожны. Они всегда настороже, всегда готовы к бегству. Это вполне понятно — у них всюду враги. Зайцев истребляют и люди, и волки, и рыси, и лисицы, и филины, и даже вороны и сороки» [4, с. 276-277]; *осел* «обладает сильным характером, и его очень трудно заставить делать что-либо против воли» [3, с. 226] — отсюда символ упрямства и, как логическое следствие этого качества, — глупости и т. п.

Так что признаки, приписываемые животным в виде коннотаций и символов, имеют в большинстве случаев объективную основу, однако в случае их актуализации в речи в связи с характеристикой человека через сравнение с животными или, особенно, при метафорическом переносе названия животного на человека они приобретают субъективный характер и обязательно содержат в себе элемент оценки.

#### Список литературы:

1. Блэк М. Метафора // Теория метафоры: Сб.: Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой; Общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 153-172.
2. Брем А. Жизнь животных. М.: Эксмо, 2006. 960 с.
3. Динец В. Л., Ротшильд Е. В. Домашние животные. Энциклопедия природы России. М.: ABF, 1998. 512 с.

4. Смирнов Ю. И. Популярная энциклопедия животных. СПб.: МиМ-Экспресс, 1997. 342 с.
5. Яхонтов А. А. Зоология для учителя / Под. ред. А. В. Михеева. 2-е изд. М.: Просвещение, 1985. 448 с.
6. Robert P. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française // Dictionnaires le Robert, France. 1992. Pp. 1-2200

*References:*

1. Black, M. (1990). Metaphor. Theory of metaphor: Sat. Trans. with English, French, German, Spanish, Polish. *yaz. Entry. Art. & sost.* ND Arutyunova; General. Ed. N. D. Arutyunova & M. A. Zhurinskaya. *Moscow: Progress*, 153-172
2. Brem, A. (2006). The life of animals. *Moscow: Eksmo*, 960
3. Dinets, V. L., & Rothschild, E. V. (1998). Pets. *Encyclopedia of the nature of Russia. Moscow: ABF*, 512
4. Smirnov, Yu. I. (1997). Popular Encyclopedia of Animals. *SPb .: MiM-Express*, 342.
5. Yakhontov, A. A. (1985). Zoology for the teacher. Pod. Ed. A. V. Mikheyev. 2 ed. *Moscow: Prosveshchenie*, 448
6. Robert, P. (1992). Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. 1-2200. *Dictionnaires le Robert, France*.

*Работа поступила  
в редакцию 24.02.2018 г.*

*Принята к публикации  
28.02.2018 г.*

---

*Ссылка для цитирования:*

Кади́ров Р. Н. О семантической структуре зоолексем во французском языке // Бюллетень науки и практики. 2018. Т. 4. №3. С. 405-408. Режим доступа: <http://www.bulletennauki.com/kadirov-r-n> (дата обращения 15.03.2018).

*Cite as (APA):*

Kadirov, R. (2018). On the semantic structure of animal lexeme in French. *Bulletin of Science and Practice*, 4, (3), 405-408